

«В кризисные моменты будут искать что-то новое и, может, возьмут наш метод»

Недавний мировой кризис оказался не только финансовым, но и идейным. В состоянии интеллектуального банкротства находятся все признанные авторитеты: свежих мыслей о том, как жить, нет ни у кого. По всему миру группы людей, которых окружающие называют в лучшем случае чудаками, придумывают и испытывают на практике новые модели человеческого общежития. Некоторые из них могут стать основой будущего миропорядка. **«Власть»** намерена составить карту передовых поисков, которые идут в современной России. Начать мы решили с деревни Шаймуратово в Башкирии.

В августе 2012 года в тесной обшарпанной комнате районного суда Уфы выступал первый свидетель по делу о «новых деньгах». Попытались разобраться, законно ли появление в одном из хозяйств области, «Шаймуратово», локальной валюты — шаймуратиков. Перед судьей стоял 37-летний заместитель директора хозяйства Рустам Давлетбаев и вдохновенно объяснял: «Сама идея родилась более ста лет назад. Ее автор — немецкий экономист Сильвио Гезель, который исследовал труды Карла Маркса. В работе „Естественный экономический порядок“ Гезель предложил идею экономической системы, в которой бы возник чистый эквивалент, а не капитал-эквивалент в одном лице...»

Прокурор тяжело вздохнул, его помощник поднял глаза к потолку. Давлетбаев уверенно продолжал: «Гезель был уверен, что если бы Карл Маркс, как и он, исследовал природу денег, то тогда бы он предложил не насилие над капиталом, а совсем другой путь. Можно создать финансовый инструмент, который не конкурировал бы с текущими финансовыми инструментами...»

Судья начала морщиться.

Несколько лет назад Давлетбаев создал свой первый крупный бизнес: сеть платежных автоматов QJWI. «Сбылась мечта идиота», — вспоминает он. Быстро заработав свой первый миллион долларов, Давлетбаев так же быстро в кризисный 2008-й прогорел дотла. Да так, что не просто потерял бизнес, но и оказался должен столько, что кредиторы грозили физической расправой, а расплачиваться с ними приходится до сих пор. ▶

НОВЫЕ ЛЮДИ

«А я ведь тогда писал бизнес-план сам, все рассчитывал, и все это рухнуло. Ушел в депрессию. Меня больше всего мучил вопрос: а в чем я виноват? Что я сделал не так? Ну что? Сидел в интернете, читал аналитику и наткнулся на эту фразу: „Будущее научится у Гезеля больше, чем у Карла Маркса“. Вообще Гезеля в вузах не изучают, даже из многих источников ссылки на него удалены. Я удивился и пошел его читать», — вспоминает он.

Давлетбаев рассказывает о своих выводах взахлеб. Исторически, уверен он, в людях укрепилась вера в абсолютную стоимость самих денег: «Основанием для этого служили драгоценные металлы — была четкая уверенность в том, что эту бумажку можно поменять на кусочек золота. Потом это обеспечение исчезло, а вера в деньги осталась. Отсюда все стереотипы. Мне стало интересно, что будет, если сейчас попробовать запустить другую систему. Тем более что сейчас вера в деньги, эта абстракция, насылается инфляцией, девальвацией, деноминациями и прочим».

В этот момент он встретился со своим старым знакомым Артуром Нургалиевым. Тот в 2006 году продал свой успешный бизнес под Нефтеюганском (сеть магазинов бытовой техники и ночной клуб), купил 8 тыс. га нечерноземной земли под Уфой и переехал жить в деревню Шаймуратово. Все деньги он потратил на новую технику, выплату задержанных на год зарплат и покупку племенных коров в Вологде и Эстонии. Еле пережил кризис, а в 2010 году случилась засуха, переработчики перестали рассчитываться с фермером «живыми» деньгами. При встрече Нургалиев жаловался Давлетбаеву, что, мол, придется резать самый племенной скот, чтобы рассчитаться с долгами по зарплате за три месяца 200 сотрудникам. Давлетбаев решил, что это его шанс опробовать теорию Гезеля на практике.

«Сельхозпроизводство — это длинные и слабо прогнозируемые циклы выпуска продукции: вырастить свеклу на сахар — почти полгода, вырастить корову и доить ее — больше двух лет, полный севооборот в растениеводстве — три—пять лет. Спрогнозировать цену на конечную продукцию нереально», — говорят сотрудники «Шаймуратово». Деньги приходят лишь после продажи урожая осенью, в остальное время денег нет, только затраты. Когда приходит время рассчитываться с поставщиками за солянку, семена или иной потребный для хозяйства материал, на это, как правило, уходит вся наличность. «О сотрудниках обычно забывают. Вот и получается, что сельская жизнь обескровлена, там просто нет наличности», — поясняют в хозяйстве.

Давлетбаев предложил Нургалиеву ввести свою валюту: «У тебя есть товарные остатки? Деревенские в магазине в долг покупают? Что если мы долговую тетрадку уберем, а на объем товарной массы выпустим товарные талоны, по юридическому смыслу это очень похоже на накладную». Но в отличие от обычных денег талоны бу-

дут устаревать, как любой товар.

Нургалиев согласился. Талоны с кунцами, лисичками и мудрыми изречениями напечатали в городской типографии. Зарегистрировали заместителя Нургалиева по сельскохозяйственной технике как индивидуального предпринимателя, продающего товар — талоны. Объем вычита-

НОВЫЕ ЛЮДИ

Шаймуратки — локальная валюта башкирской деревни Шаймуратово — доказали свою состоятельность в суде

ли так: выпустили на половину товарных остатков в магазине. По деревне развесили объявления: можете приобрести талоны, пользоваться ими не обязательно, а по желанию. У вас есть 28 дней, потом они дешевеют на 2%, правило для всех — и для предприятия, и для магазина, и для вас. График старения был напечатан на каждом талоне, а продавать их начали в бухгалтерии.

Первые два месяца среди населения была «сильная инертность», говорит Давлетбаев: «Может, это ошибка, что не собрали и не объяснили. Люди пугались, это что, мол, как в 1990-е. Я начал ездить и разговаривать с людьми, объяснял, просил поверить в Нурғалиева. „Вы видите, — говорил, — как он старается, что новые трактора появились, что жить тут начал. Он не соскочит. Поверьте“».

У многих в деревне были бытовые долги — одолживались у соседа, бабушки, милиционера. «Зарплата нет, отдать нечем, социальное напряжение растет. И у меня кто-то спрашивает: а могу я по своим долгам этими талонами рассчитаться? Я говорю: а

почему нет? Отведи его в магазин и спроси, что ему надо, а ты ему на талоны это купишь. Это помогло. И, когда исчезла внутренняя долговая паутина, возник корпоративный дух. Вот у них на суде спрашивали: если в кассе есть и деньги, и талон, зачем вы берете талоны под аванс? А они отвечают: а какая разница? Понимаете, мне нужно хлеба и макарон купить, мне все равно, какой бумажкой это сделать, а сосед за учебу ребенка заплатить талонами ведь не сможет. Возникла социальная связка. Люди деньгам стали относиться как к бумаге, то есть воспринимать их реальную экономическую стоимость. Стала востребована куча всяких компетенций: от прийти с лопатой огород вскопать до чего угодно. Вот эта казалась бы ерунда, 2% демереджа, так сильно давят на мозг, что люди ищут новые способы тратить и зарабатывать».

Такое обесценивание талонов только внешне похоже на привычную нам инфляцию: демередж — это не обесценивание, это взимание платы за пользование талонами, своеобразная порча. Логика у владельцев «Шаймуратово» такая: любой то-

вар может со временем портиться, яблоки жухнут, хлеб черствеет, а сталь ржавеет — именно это заставляет людей своевременно потреблять эти товары или, если они им не нужны, продавать их. Но привычные деньги не обладают этим качеством. «Мы можем смириться с тем, что они понемногу обесцениваются, и тогда доллар, евро или рубль вполне может пролежать под подушкой многие годы (а если речь идет о золоте, то и многие века) — таким образом, деньги просто изымаются из оборота и обескровливают экономику. Но талоны с демереджем просто нет смысла складывать: с каждым месяцем они все дешевле, а через четыре года просто перестают приниматься и теряют всю свою стоимость. Именно эта их особенность и заставляет тратить эту „валюту“ в первую очередь. Для всего внешнего мира товарные талоны «Шаймуратово» — не более чем фантики, но расходуются они на товары и услуги местных производителей, что и перезапускает местную экономику», — говорят в хозяйстве.

За два года использования шаймуратки-ков внутренний товарооборот хозяйства вырос в 12 раз, производительность — на 20%, а средняя зарплата — с 13 500 до 15 700 руб. Долги по зарплате исчезли. Зато появились прокуроры.

За год в «Шаймуратово» прошли четыре прокурорские проверки. Кавгусту 2012 года дело оказалось в суде.

— Почему вы вообще начали проверку предприятия? — спрашивает судья у прокурора.

— По результатам мониторинга СМИ.

— А были жалобы от самих сотрудников хозяйства? — обращается судья к адвокату.

— Нет, не было. Мы всех сотрудников привели, они могут дать свидетельские показания.

Прокурор в суде представлял интерес «круга неустановленных лиц».

— А нельзя это было как-то узаконить? Каким-нибудь подзаконным актом? — устало смотрит она на замдиректора «Шаймуратово».

Давлетбаев повторяет схему с самого начала, поясняя, что все подзаконные акты для эксперимента уже существуют и ничего нового придумывать не нужно. Он рассказывает судье об отъездах депутатов Госдумы, Министерства экономического развития, о росте валового продукта, об уникальности эксперимента. За «Шаймуратово» вступился местный омбудсмен, известные ученые, даже президент республики, говорит Давлетбаев, через помощников передавал слова поддержки. Но судья после четырехчасового разбирательства упомянула в своем решении о запрете выплаты зарплаты должными расписками, алкоголем, наркотическими веществами. ▶

«Талоны с демереджем просто нет смысла складывать: с каждым месяцем они все дешевле, а через четыре года просто перестают приниматься и теряют всю свою стоимость»

КАКИЕ БЫВАЮТ ЛОКАЛЬНЫЕ РАСЧЕТНЫЕ СИСТЕМЫ

Согласно базе данных Complementary Currencies Worldwide, в 37 странах мира действует 238 локальных валют, параллельных национальным денежным системам. В общей сложности ими пользуются 792 тыс. человек. Совершаемый в местных деньгах годовой оборот транзакций оценивается в \$108 млн. На Европу и США приходится 2/3 таких валют, свыше 80% пользователей и почти 90% оборота. Больше всего альтернативных денежных единиц насчитывается в США — 38. Местные валюты можно разделить на четыре основных типа: сервисный кредит (50,3% от общего числа), взаимный обмен (41,3%), бумажные ассигнации (7,1%) и бартерные схемы (1,3%). Самым известным примером в категории «сервисный кредит» являются появившиеся в 1986 году американские time dollars (более ранний японский аналог называется fureai kirri) — расчетная единица для учета услуг, оказанных участниками системы друг другу. «Эмитентами» этой валюты выступают «банки времени», представляющие собой сообщества для обмена услугами. Считается, что это единственная платежная система, обеспеченная реальным активом — трудом (а точнее, потраченным на выполнение определенной работы временем). В общем случае человек, проведя, например, занятие по изучению иностранного языка продолжительно-

стью один час, потом может заказать на заработанный час няню для ребенка. Схемы взаимного обмена (local exchange trading scheme, LETS) могут использовать виртуальные деньги, купоны, ваучеры, баллы и прочие идентификаторы, привязанные к национальным валютам или тому же времени. Децентрализованные LETS позволяют напрямую обмениваться товарами и услугами, а также брать на них «беспроцентный кредит». В Канаде по этой модели функционирует система Jetons de Bonheur (буквально — «жетоны счастья»), в Германии она известна под названием Tauschringe («кольцо обмена»), в Австрии — Tauschkreis («круг обмена»). Участники LETS могут, например, «продать» ненужную одежду или книги, а на полученные в обмен единицы учета снять помещение для проведения праздника. Локальные бумажные ассигнации (могут также существовать в электронном виде) имеют географически ограниченное хождение и предназначены главным образом для поддержки местной экономики. В Германии действует 26 проектов Regiogeld (региональные деньги), представленных главным образом Schwundgeld — валютой, которая с течением времени теряет свою стоимость и тем самым делает бессмысленными сбережения в ней, стимулируя траты. Например, запущенный в 2002 году в Бремене дензнак Roland теряет 1% номинала каждый

месяц, а общий срок его обращения ограничен двумя годами. По официальным оценкам, общий оборот всех немецких региональных денег в 2011 году составлял €700–800 тыс., из него свыше 60% приходилось на один проект — баварский Chiemgauer. Эту единицу для расчетов используют более 600 мелких и средних предприятий. Другой известный пример местных денег — альтернативные фунты, выпущенные в конце 2000-х годов в ряде городов Великобритании. Наибольшее распространение получил бристольский фунт, принимаемый к оплате в 300 магазинах и компаниях города. Его общий оборот оценивается в £125 тыс. Наименее распространены бартерные схемы, представляющие собой гибрид местных бумажных ассигнаций и LETS. Эта модель предполагает использование специальных дензнаков для обмена в рамках ограниченных по интересам сообществ или в узкой товарной нише. Выпущенные для этих целей единицы учета не привязаны к национальным валютам и не конвертируются в реальные деньги. Как правило, бартерные системы несут значительную социальную функцию. Среди известных примеров — система Troc-tes-Trucs в канадском Квебеке. Ее участники сдают вещи нуждающимся, а взамен слушают лекции по ответственному потреблению или принимают участие в развлекательных мероприятиях.

Вадим Зайцев

Рустам Давлетбаев (справа) опробовал теорию Гезеля на практике
и на хозяйстве Артура Нургалиева

ми и оружием и отстранила Нургалиева от управления «Шаймуратово» на один год.

Явстречаюсь с Давлетбаевым и Нургалиевым в Шаймуратово спустя несколько дней после их реванша. 15 февраля 2013 года Верховный суд Республики Башкирия принял к рассмотрению их апелляцию на решение районного суда и, заслушав свидетелей — работников хозяйства, нарушений в использовании шаймуратиков не нашел.

Давлетбаев протягивает мне скидочный купон на тысячу рублей в магазине бытовой техники, действующий до 23 февраля и напечатанный в виде купюры. «В чем разница? У нас то же самое. Я всегда знал, что мы сделали все по закону, новот на каком уровне это признают, было непонятно. Я прокурорам говорил: поймите, любая новация будет нарушать привычные нормы. Это в любом случае будет. Жить по-старому невозможно, если мы так будем жить, мы потеряем страну», — объясняет он.

Шаймуратово находится в часе езды от Уфы. Его название переводится с арабского как «самая высокая цель». Давлетбаев включает на планшете какую-то музыку и протягивает мне. Оказывается, слова популярной песни о генерале Шаймуратове, в дивизии которого во время Великой отечественной войны было больше всего героев Советского Союза, наложили на дабстеп и сделали гимном предприятия. В офисе фермеров стоят коробки для раздельного сбора мусора, а стены исписаны бизнес-планами и результатами планерок. В углу висит исписанный белый ватман, сверху крупными буквами написано: «Форсайт Деревня-2020» — это результат совместного «мозгового штурма» сотрудников и жителей Шаймуратово. Сама деревня на 600 домов аккуратная, чистая, ухоженная. Есть центральное водоснабжение и свой детский сад (все содержится за счет

предприятия Нургалиева). Скоро будет высокоскоростной интернет — осталось дотянуть 200 м оптоволокну. В деревне непривычно много молодежи, заведующей одной из ферм всего 26 лет. «Делаем все возможное, чтобы они оставались в деревне, чтобы пассивности не уезжали в город», — рассказывает Давлетбаев.

В 2012 году впервые желающих работать на ферме стало больше, чем вакансий, а половина работников предприятия — горожане, которые собираются или уже строят дома в Шаймуратово. Есть скотник, десять лет работавший в Швейцарии, есть фермер-инвестор из Дании. Его бизнес в другом районе Башкирии закончился руганью с администрацией и стрельбой, он решил уезжать обратно в Европу, но прочел о Шаймуратово, приехал на полтора часа поговорить, остался на три дня и теперь будет строить здесь завод по производству голубого сыра.

Перед сельским магазином «Ассорти» стоит памятник Ленину. В кассе продмага — хлеб, крупа, печенье, мыло — шаймуратики лежат в отдельной ячейке и ажиотажа давно не вызывают. «Мы к ним быстро привыкли, это удобно. И к журналистам привыкли», — улыбается кассир Земфира, глядя на съемочную группу «Первого канала». Те уговаривают заведующего фермой Фанзиля Фаниловича купить на талоны торт и третий раз репетируют с ним проход вдоль прилавка.

После первого решения суда четыре из пяти магазинов хозяйства перестали принимать талоны, но сейчас Давлетбаев надеется восстановить систему: «Мы поняли, что это работает, когда шаймуратики начали брать таксисты. Что они тем самым делают? Создают для района ВВП. Они могли бы отказаться и простоять — и так все бы и простояли».

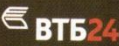
Пока открыто «Шаймуратово» никто не подражает. Ходят слухи, что в хозяйствах по соседству в бухгалтерии выда-

DOMINION

ГАРМОНИЯ СТИХИЙ

УНИКАЛЬНЫЙ ЖИЛОЙ КВАРТАЛ
м. Университет

- Охраняемая территория 15 га
- Особые условия по машиноместам
- Льготная ипотека **ВТБ24**
ВТБ 24 (ЗАО). Генеральная лицензия Банка России № 1623
- Гибкая рассрочка
(ООО «Магистрат»)

8 (495) 232-08-08
www.kvartal-dominion.ru

Благодаря собственной валюте у хозяйства «Шаймуратово» выросла производительность и зарплаты, появились перспективы и интернет

ют бумагу за подписью гендира и надписью «1000 рублей», но этого никто не афиширует. Отказались от использования талонов 10% работников: в основном, по словам Нургалиева, это люди с уже строго расписанным и распланированным личным бюджетом. К концу первого года оборот шаймуратиков составил 600 тыс. руб. А выпущено их было на 180 тыс. То есть один товарный талон обернулся три раза. За весь период демередж талонов составил 19% — 46 тыс. руб., это 1% от выданной заработной платы. Из этих 46 тыс. 19% находилось на руках у людей, 8% в торговле и остальное — на предприятии.

Весь топ-менеджмент ООО «Шаймуратово» называет талоны хорошим экономическим механизмом на время кризиса: «Конкуренция между рублем и талоном отсутствует; когда есть наличные, талоны не нужны. Это не панацея, но шаймуратики позволяют не падать жизненному уровню. Как минимум люди с вилами не выходят на улицу и не перекрывают федеральные трассы».

«Вот как вы считаете, кризис еще идет? — спрашивает у меня Давлетбаев. — Просто, когда я задал этот вопрос в Минэкономразвитии, мне ответили, что все нормально и страшное позади. А я-то уверен, что кризис будет только усиливаться, и именно в кризисные моменты люди будут искать что-то новое и, может, возьмут наш метод. Я спрашиваю в министерстве: как вы думаете, модель роста, которую мировая финансовая система использовала последние сто лет, она исчерпана? Они молчат».

Давлетбаев понял, что «мировая финансовая система сломалась», когда S&P понизило прогноз по рейтингу США: «Нам тогда сказали примерно следующее: „Друзья, правила ГИБДД перестали работать, ездите как хотите, дело каждого, но смотрите: еще встречаются гибэдэдэшники, которые об этом не знают“. США — это люди, сидящие на станке. Рейтинговое агентство — это как раз гибэдэдэшники — высказало недоверие первопричине эмиссии. Прошел только год, и сегодня на Standard & Poor's, мировой, глобальный регулятор, подают в суд. Все, система сломалась. Если мы не будем думать об альтернативности, то мы улетим вместе с ними».

Тогда он решил «выходить в свет»: рассказывать об эксперименте с шаймуратиками, «вдруг кому предприятие удастся спасти». «Тут мы нарвались на табуирование: „Ребята, вы дураки, что ли, чего вы делаете?“ Еще и в сепаратизме подозревать начали. Вот, ввели свои деньги, скоро поставят КПП и армию вооружат. Вы можете себе в деревне представить появление танков? Глупости не говорите. Почему шаймуратики нельзя? „Билайн“ бонусы выпускает, „ЛЭтуаль“ выпускает, „М-видео“ выпускает, а сельскому хозяйству почему нельзя?» — негодует он.

Сейчас все уперлись в рыночный фундаментализм, уверен Давлетбаев: «Все призывали, что деньги — это святое и думать по-другому нельзя. Надо мной потешались, открыто держали задорачка, особенно в тусовке Агентства стратегических инициатив. Когда я рассказывал о нашем проекте в Москве на „Форсайт Россия“ в феврале 2012 года, в зале откровенно сме-

ялись. А в коридорах подходили руки жать. По итогам работы наш тренд — возникновение финансовых региональных сетевых расчетных систем — попал в основные тренды по России. Я утверждал, что тренд будет мировым, и через полгода рост локальных платежных микросистем по всему миру составил больше 100%. Сейчас таких систем больше шести тысяч, в России — только одна».

Давлетбаев долго спорил с коллегами в Агентстве стратегических инициатив: они утверждали, что единственным двигателем развития является человеческий эгоизм, а создатель шаймуратиков — что альтруизм: «Это как сосуществование клеток в общей системе. Альтруизм, идея хиппи, русский космизм — как угодно назовите. В это направление человечество еще не вступало, кроме попытки Советского Союза, но в нем другие силы сверху влияли. Сегодня можем попробовать соединить справедливость социализма и свободу капитализма. Неожиданно капитализм начинает говорить о социальной справедливости, о чем в свое время говорил Советский Союз».

Сам Давлетбаев живет «по принципу достаточности»: «У меня пропала цель стать миллионером, мне не нужно 35 туалетов и все равно я за вечер три булки хлеба не съем. Вот мы придумали компьютер, сотовую связь, все эти штучки. А как мы дошли до того, что производим продуктов в два раза больше, чем потребляем, а люди голодают? Бернанке предлагал разбрасывать деньги с вертолета. Мы предлагаем более цивилизованное решение. В России массовое сознание наиболее подготовлено к приему новой парадигмы».